

фрагменты прошлого: история одного навета XX века

Вихри над «Тихим Доном»

Лев КОЛОДНЫЙ

В РАЗНОЕ время и в разных странах, начиная с 1929 года, делаются попытки лишить Михаила Шолохова авторства. Началось все с обычных слухов, рожденных завистью в московских литературных кругах, дошло до монографий, изданных за границей... Некто под псевдонимом Д* сфабриковал монографию под названием «Стреля Тихого Дона».

Кроме сочинения Д*, вышедшего на русском языке в 1974 году в Париже, в издательстве «Имка-пресс», есть еще несколько монографий на английском. Название книги «Стреля Тихого Дона» подсказано шолоховской цитатой, ставшей эпиграфом: «Стремину реки, ее течение, донцы именуют стремением; стреля понесло его, покачивая, норовя повернуть боком».

Анатолий Калинин подробно описал, как принес Михаилу Шолохову попавшее ему в руки «Стреля».

Дочитав до 44-й страницы, писатель отбросил книгу, посчитав скучной. И спросил: «Что этому чудяку надо?».

Михаил Шолохов подразумевал под чудяком не автора книги, а ее издателя Александра Солженицына. Он — автор предисловия и послесловия, выступает в книге как комментатор текста, называя себя «публикатором». Вот его-то Шолохов и назвал чудяком, хотя имел основания выразиться решительнее.

Чем объяснить глубокий интерес Солженицына к «Тихому Дону»?

Есть тому разные причины, одна — автобиографического характера. Оказывается, живя в Ростове, в детстве он слышал, как пошли по городу разговоры, что Михаил Шолохов совершил плагиат. Действительно, такие разговоры велись не только в Ростове-на-Дону, но и в Москве, других городах. Но никто и нигде тогда не назвал фамилии другого автора. Говорили о некоем безымянном «белом офицере», о какой-то старушке, его матери, якобы ходившей по издательствам, требовавшей гонорар сына.

То было в 1929 году.

Спустя много лет Солженицын решил научно доказать то, о чем слышал в детстве. Публикатор счел необходимым не называть имени автора книги. Но даже если бы сразу стало известно имя сочинителя рукописи, то и тогда пришлось бы полемизировать в первую очередь не с ним, а с издателем, поскольку именно он является главным действующим лицом этой публикации: его версию, аргументы обосновывает Д*.

Эти аргументы изложены в предисловии, выдержки из которого хочу процитировать:

«С самого появления своего в 1928 году «Тихий Дон» протянул цепь загадок, не объясненных и по сей день. Перед читающей публикой проступил случай небывалый в мировой литературе. 23-летний дебютант создал произведение на материале, далеко превосходящем свой жизненный опыт и свой уровень образованности (4-классный). Юный продкомиссар, затем московский чернорабочий и делопроизводитель домоуправления на Красной Пресне опубликовал труд, который мог быть подготовлен только долгим общением со многими слоями дореволюционного донского общества, более всего поражающим именно вжитостью в быт и психологию тех слоев».

С первых слов Солженицын утверждает: Михаил Шолохов — не автор романа в силу нескольких причин. Во-первых, к моменту выхода романа был слишком молод; во-вторых, не имел полноценного образования; в-третьих, не обладал необходимым жизненным опытом. Это главные аргументы концепции издателя книги.

Писатель дебютировал «Тихим Доном» действительно в 23 года. Написал первую книгу романа еще ранее — в 22 года. Но до него накопил значительный опыт — сочинил десятки рассказов, несколько повестей. Они изданы двумя сборниками в 1926 году, объем произведений равен 20 печатным листам. Кроме двух книг, выходили в Москве в 1925 году в виде небольших книжечек отдельные рассказы. Все это — не считая многих журнальных и газетных публикаций.

Самостоятельную жизнь Михаил Шолохов начал в 1918 году, в 13 лет. Принимал участие в гражданской войне в составе отряда в 216 штыков. «За превышение власти» был судим, несовершеннолетие спасло его от сурового приговора. С детства общался «со многими слоями дореволюционного донского общества».

Что касается образования — четырехклассного, гимназического, то вспомним Ивана Бунина, окончившего и того меньше — три класса гимназии, что не мешало ему, как и Шолохову, стать лауреатом Нобелевской премии.

Привожу другие выдержки из предисловия Солженицына:

«Автор с живостью и знанием описал мировую войну, на которой не бывал по своему десятилетнему возрасту, и гражданскую войну, оконченную, когда ему исполнилось 14 лет... Книга удалась такой художественной силой, которая достижима лишь после многих проб опытного мастера, — но лучший, 1-й том, начатый в 1926 г., лущен готовым в редакцию в 1927-м, через год же за 1-м был готов и великолепный 2-й; и далее менее года за 2-м подал 3-й, и только пролетарской цензурой задержан этот ошеломительный ход. Тогда — несравненный гений? Но последующей 45-летней жизнью никогда не были подтверждены и повторены ни эта высота, ни этот темп».

Что сказать по этому поводу? Лев Толстой не видел войны 1812 года.

Второй том романа вышел в свет в том же 1928 году. Действительно, «ошеломительный ход» «несравненного гения». Верно, что процесс этот затормозила редакция журнала «Октябрь», требовавшая исправлений и сокращений третьей книги, написанной столь же стремительно. Но разве четвертый том «Тихого Дона», завершённый спустя десять лет после третьего, слабее в художественном отношении первых трех томов?

Не только окончание «Тихого Дона» вышло с большой задержкой (десять лет). С большой задержкой сочинялся второй том «Поднятой целины». Интервал между томами составил без малого тридцать лет! Творчеству писателя свойственно бурное начало и затяжной конец. Это видно и по роману «Они сражались за Родину». Первая книга эпопеи о войне осталась последней. Между тем первые главы сочинялись быстро, по горячим следам войны. И здесь наблюдался «ошеломительный ход».

Нельзя не согласиться с Солженицыным, что перед нами — несравненный гений. Впрочем, сам публикатор пытается свое предположение опровергнуть...

«Слишком много чудес, — пишет он, — и тогда по стране поползли слухи, что роман написан не тем автором, которым подписан, что Шолохов нашел готовую рукопись (по другим вариантам дневник) убитого казачьего офицера и использовал его. У нас, в Ростове-на-Дону, говорили настолько уверенно, что и я, 12-летним мальчиком, отчетливо запомнил эти разговоры взрослых».

Возможно ли такое, чтобы молодой, неопытный писатель воспользовался плодами труда опытного, более того — гениального, и никто бы не оказался посвящен в это деяние, которое, как всякое преступление, никогда не обходится без свидетелей и вещественных доказательств?

Предвидя такие вопросы, Солженицын называет предполагаемого, с его точки зрения, свидетеля. Кто же это?

«Видимо, истинную историю этой книги знал, понимал Александр Серафимович, донской писатель преклонного к тому времени возраста. Но, горячий приверженец Дона, он более всего был заинтересован, чтобы яркому роману о Доне был открыт путь, всякие же выяснения о каком-то «белогвардейском» авторе могли только закрыть печатание».

Но разве можно человека заподозрить в соучастии в преступлении только на том основании, что он «горячий приверженец Дона»?!

В предисловии Солженицына, как в детективе, появляется также загадочное действующее лицо, именуемое «каким-то белогвардейским автором». Кто оно, это лицо? Его фамилия, имя не называются, упоминается только, что автор — «белогвардейский». Солженицын берет слово в кавычки, хочет сказать, что истинный автор романа принадлежит к лагерю, который сражался с Советской властью, к тем, кто в стане белой армии противостоял Красной Армии, по терминологии той эпохи, красным.

Но если бы это было именно так, как воображается публикатору, то разве стал бы пролетарский писатель, коммунист с 1918 года, чей сын погиб, сражаясь с белыми, Александр Серафимович входить в сговор с недавним врагом, белогвардейцем?

Нет никаких оснований видеть в честном русском писателе соучастника преступления.

Публикатор «Стремени» приводит полностью текст опровержения, которое появилось в «Правде» весной 1929 года. Тогда руководство РАПП — Российской ассоциации пролетарских писателей, в которое входил Александр Серафимович, разослало письмо в газеты, где циркулировавшие слухи о плагиате Шолохова классифицировались как клевета.

Руководство РАПП писало в резких выражениях, как всегда. Его авторы обращались к общественности с просьбой помочь в выявлении «конкретных носителей зла» для привлечения к судебной ответственности. В связи с этим публикатор делает вывод: «И всякие слухи смолкли». Солженицын полагает: общественность замолчала, опасаясь репрессий.

«А вскоре, — заключает публикатор, — и сам непререкаемый Сталин назвал Шолохова «знаменитым писателем нашего времени».

Да, И. В. Сталин охарактеризовал молодого писателя в июле 1929 года в письме Феликсу Кону, редактору одной из центральных газет, словами «знаменитый писатель нашего времени». Солженицын полагает, что то письмо как-то воздействовало на судьбу авторства «Тихого Дона».

Однако «непререкаемый авторитет» Сталина никак не повлиял тогда на общественное мнение, поскольку содержание его письма нигде не оглашалось.

В летние дни 1929 года на столе И. В. Сталина оказалась копия письма Михаила Шолохова, адресованного не ему, а другу — заведующей библиотекой МК партии Е. Г. Левицкой. Письмо настолько потрясло ее, члена партии с 1903 года, что она без ведома автора, сократив несколько острых фрагментов, сняла с него копию и передала через знакомого на самый верх.

«Верно говорит Артем (Веселый. — Л. К.): «Взять бы их на густые решета...». Я тоже подписываюсь: надо на густые решета взять всех... всех, кто лицемерно, по-фарисейски вопит о союзе с середняком и одновременно душит этого середняка».

Цитирую абзац, сокращенный И. Г. Левицкой. Но и без него хватало душераздирающих описаний страданий народа, с которым всем сердцем был писатель, бросивший все свои дела.

Делаю вывод, что после этого заочного знакомства, состоявшегося на стыке июня — июля 1929 года, начались очные отношения Генерального секретаря ЦК партии и Шолохова, встречи, одна из которых, как известно, произошла на даче М. Горького.

Но и вступил ли в какой-то сговор с высокопоставленным цензором, не прибегав к его поддержке в проблемах, касающихся авторства. Известно письмо Михаила Шолохова в адрес И. В. Сталина, цитированное, в частности, Н. С. Хрущевым. В нем снова отважно бросился в бой с властями, грабившими Дон, не страшась за свою судьбу.

Об этом свидетельствует и другое, неизвестное до недавних дней письмо.

Оно датируется 30 апреля 1933 года, когда казаки, как и крестьяне других краев, умирали от голода, о чем теперь все знают, Михаил Шолохов писал в Москву: «Сейчас я несколько распрямился. Послал хозяину (И. В. Сталину. — Л. К.) два письма (единственный продукт творчества за полгода), получил от него две телеграммы. А вокруг творится страшное...

Я мотаюсь и гляжу с превеликой жадностью. Гляжу на все. А поглядеть есть на что. Хорошее: олухий крестьянин колхозник, получающий 400 грамм хлеба пополам с мякиной, выполняет дневную норму. Плохое: один из хуторов, в нем 65 хозяйств. С 1 февраля умерло около 150 человек. По сути — хутор вымер. Мертвых не захвалят, а сваливают в погреб. Это в районе, который дал стране 2.300.000 пудов хлеба. В интересное время мы живем! До чего богатейшая эпоха!».

Вот такое письмо отправил Шолохов все той же И. Г. Левицкой, которой хватило на сей раз благоразумия не снимать копии и не передавать их «хозяину».

Шолоховское письмо дает ответ, почему замедлился творческий процесс, работа над вторым томом «Поднятой целины», четвертым томом «Тихого Дона».

Позволительно задать вопрос публикатору. Разве характер этой корреспонденции дает основание заподозрить, что ее автор вступил в сговор с «хозяином»?

Вернемся к событиям весны 1929 года, когда поднялась первая волна клеветы, к утверждению Солженицына, что общественность была запугана письмом руководителя РАПП и якобы замолчала.

Нет, никто тогда не опасался спорить с Михаилом Шолоховым, подвергать его яростной бездоказательной критике, навешивать политические ярлыки.

В ростовской молодежной газете «Большевикская смена» писателю было предъявлено по тем временам суровое обвинение в «пособничестве кулакам». В новосибирском литературном журнале «Настоящее» опубликована осенью того же года статья «Почему «Тихий Дон» понравился белогвардейцам?».

Разве посмели бы редакции писать в таких выражениях о Михаиле Шолохове, зная, что Генеральный секретарь ЦК партии называет его «знаменитым писателем нашего времени»? Не знал этой характеристики и автор «Тихого Дона», впервые прочитав о себе в 1949 году в 12-м томе собрания сочинений И. В. Сталина:

«Знаменитый писатель нашего времени тов. Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений... Но разве из этого следует, что «Тихий Дон» — никакая не годная вещь, заслуживающая изъятия из продажи?».

Вернемся к «Стремени» «Тихого Дона», где Солженицын приводит «факт», который, как ему кажется, особо свидетельствует против Шолохова:

«А тут еще: не хранятся ни в одном архиве, никому никогда не предъявлены, не показаны черновики и рукописи романа (кроме Анатолия Софронова, свидетеля слишком характерного)».

И это опровергается.

Рукописи романа из третьей и четвертой книг «Тихого Дона» Михаил Шолохов показывал в шестидесятые годы не только Софронову. По воле писателя они переданы в архив «Пушкинского дома» в Ленинграде. Случилось это в 1975 году, спустя год после выхода «Стремени». Кроме того, рукописная страница «Тихого Дона» хранится в Стокгольме в королевском архиве, где по традиции находятся автографы лауреатов Нобелевской премии. Читаешь Солженицына и ждешь, когда же он приведет хоть один неопровержимый факт, хоть один доказательный аргумент...

Они не появляются и тогда, когда начинается анализ текста романа.

В них издатель «Стремени» видит некие «странности». К ним относит: во-первых, «потерю персонажей, притом явно любимых...» по ходу повествования; во-вторых, «обрывы личных линий»; в-третьих, вставки больших отдельных кусков, никак не связанных, на его взгляд, с повествованием и к тому же «другого качества», то есть, по мнению Солженицына, нехудожественные. Ему видятся в романе, наконец, «места грубейших пропагандистских вставок (в 20-е годы литература еще к этому не привыкла)».

Естественно, что Солженицын может видеть в сценах «Тихого Дона» больше недостатков, чем я или любой другой читатель. Но они, эти недостатки, никак не служат основанием называть особенностями романа какими-то «странностями», свидетельствующими о плагиате.

Солженицын не раз берет какой-нибудь общеизвестный драматический факт из истории романа, требующий серьезного объяснения, как, например, проблему прав романа, но вместо этого произвольно толкует его и делает поспешный вывод...

Особенно поражает его попустительство произведенной нивелировке лексики «Тихого Дона» в издании 1953 г., возмущает и то, что «Шолохов в течение ряда лет давал согласие на многочисленные беспринципные правки «Тихого Дона» — политические, фактические, сюжетные, стилистические».

...В последние годы жизни И. В. Сталина отношения его с Михаилом Шолоховым складывались напряженно. Это напряжение возникло после выхода 12-го тома собрания сочинений И. В. Сталина, где содержалось упоминание письма Феликсу Кону. В нем автору «Тихого Дона» давалась не только высокая оценка, но и критиковалась шолоховская концепция вешенского восстания. Этого оказалось достаточно для всех издательств, решивших «Тихий Дон» не переиздавать до исправлений автором. Но каких? По воспоминаниям бывшего помощника М. А. Шолохова писателя Ф. Ф. Шахмагонова, Михаил Александрович направил И. В. Сталину письмо с просьбой уточнить, в чем его ошибки, о которых шла речь в давнем письме. Ответа не последовало. Когда наконец за М. А. Шолоховым пришли из Кремля машину, чтобы доставить на прием к И. В. Сталину, писатель показал характер и направил машину в «Гранд-отель», где... заказал ужин. Когда сопроводивший напомнил, что его ждут, ответил:

— Я ждал достоя.

Встреча не состоялась. М. А. Шолохов после этого уехал из Москвы, где постоянно жил тогда, в Вешенскую и не появлялся в столице до смерти И. В. Сталина.

Когда в конце его жизни встал вопрос переиздания «Тихого Дона», М. А. Шолохов поручил одному из своих «яростных друзей» Кириллу Потапову редактуру романа, используя тот и исполнил, внеся сотни (!) исправлений, исходя из требований конъюнктуры, положений, сформулированных тогда И. В. Сталиным в его статьях об языке изданий.

Что и говорить, хотя и объясняющая, но печальная история «Тихого Дона».

На основании этой истории делается вывод: так поступить подлинный автор не мог.

Кто же, по мнению Александра Солженицына, является подлинным сочинителем романа?

(Окончание следует).